

Молодежь в Художественном театре

Мои пожелания

Когда я начинал работу в Художественном театре, у нас не было еще «проблем молодежи». Это было естественно. Сам театр был тогда молод, и труппа его почти сплошь состояла из молодежи. Но чем больше МХАТ «входил в возраст», тем явственнее становилось, что театр должен выработать систему воспитания молодых актеров. Правда, еще 20 лет назад проблема смены поколений внутри Художественного театра, проблема передачи опыта стариков более молодым актерам, конечно, не была и не могла быть такой неотложной, как сейчас.

У нас в СССР работа о молодежи — самое почетное и самое ответственное дело всего народа в целом и каждого из нас в отдельности. Мы, старики МХАТ, знаем лежачую на нас обязанность. Творческая дружба поколений дает замечательные результаты.

Еще до начала моей работы над постановкой пьесы «Земля» я знал, что в нашем Художественном театре таится немало скрытых актерских дарований. Я повсюду замечал, какой неутоленной жаждой работать и творить охвачена наша молодежь. Надо поэтому черпать силы из собственных молодых резервов театра — решил я, как только стал «разводить» пьесу «Земля». Для начала я пригласил к участию в народных сценах представителей самого молодого нашего актерского поколения, т. е. тех, кто еще ни разу не получал самостоятельных ролей в спектаклях. Наблюдая участие массовых выходов в спектакле, я заметил, что некоторые из них обладают несомненными творческими данными. Одна из старух-крестьянок в финальной сцене «Земли» бросает реплику о Оторожье: — Он сына моего убил!

Эти слова, произнесенные молодой актрисой Георгиевской, обратили мое внимание на удивительную правдивость интонаций; реплика показалась мне особенно емкой, насыщенной глубоким смыслом и законченно выраженным чувством. И когда я начал распределять роли в «Достигаеве», я

решил доверить Георгиевской роль Таисии. Это был, конечно, до известной степени, риск, но риск необходимый, оправданный. Да и вообще в театре, как и в жизни, не рисует только тот, кто ничего не делает.

Примерно так же развилась у меня мысль поручить самостоятельные роли в «Достигаеве» Комоловой, Маркову, Лебедевой после того, как они обратили на себя мое режиссерское внимание своим продуманным исполнением безымянных ролей в народных сценах спектакля «Земля». И должен сказать, что, работая над ролями с этой дебютировавшей молодежью, я чувствовал гораздо больше ответственности, чем на других репетициях. Особая взвешенность, казавшаяся не сравнимая ни с чем любознательность, которую молодежь проявляла на индивидуальных и общих репетициях, — все это заставляло меня выслушивать каждое слово, каждое режиссерское указание, замечание. Дело ведь не только в том, чтобы сказать актеру, как нужно сыграть тот или иной эпизод, кусок роли. И не в том только, чтобы актер послушно выполнил указания режиссера. Важно, чтобы он глубоко понял и убедился в верности указанных постановщика. Важно, чтобы, убедившись в справедливости указаний режиссера, актер шел к цели своим самостоятельным путем, добиваясь ее осуществления ему одному присущими выразительными средствами. Но это процесс длительный. Образ созревает в воображении, сознании актера так же медленно и постепенно, как плод созревает на зрелом.

Не мне, постановщику «Достигаева», говорить о результативности актерской работы в спектакле. Об этом будут судить другие. Я могу говорить только о работе актерской молодежи. Самые важные и многообещающие результаты для меня, режиссера, является та атмосфера полного горения, той творческой температуры, который актерская молодежь, занятая в «Достигаеве», проявляла на репетициях, на всех стадиях работы над спектаклем.

Каждый новый спектакль театра должен обнаруживать новые творческие возможности труппы, должен рождать новых актеров. Такую задачу обязан ставить перед собой постановщик каждого нового спектакля.

Если в «Земле» впервые раскрылось полнотой актерское дарование Грибкова, то в «Достигаеве» и Георгиевская, и Комолова, и Марков, и Лебедева и другие показали, что они представляют полные надежды театру. Это — уже заявка на будущее. Это — выступление, дающее дебютантам право на самостоятельную работу и над более крупными ролями.

В дни 20-летия Ленинско-Сталинского комсомола, когда вся Советская страна, весь народ радуется и гордится победами нашей молодежи во всех областях социалистического строительства, мне хочется сказать своим молодым товарищам несколько слов. Они безусловно талантливые молодые актеры. Мы, старики, уверены в их силах и верим в их большое будущее. Но я бы хотел, чтобы они помнили, что главной добродетелью советской молодежи является скромность и безграничная преданность своему делу.

Я бы хотел, чтобы нормальная для революционного актера лирическая чертулинистская изысканность и неудач миновала в будущем нашу актерскую молодежь. Я бы хотел, чтобы голову их не вскружили первые успехи, чтобы в течение всей жизни и работы в театре их не охватывало похвальное мужество, чтобы они не боялись «смотреть в глаза своим собственным недостаткам и чтобы они умели любить недостатки и любые неудачи преодолевать собственными творческими усилиями.

Л. М. ЛЕОНИДОВ,
народный артист СССР.

Беседы с режиссером

С первой же встречи с актрисой, которой предстоит сыграть роль Антонины в «Достигаеве», Л. М. Леонидов заговорил о самом главном. Он знал, что мне, молодой советской актрисе, никогда не приходилось встречать девушки, по характеру внутреннему содержанию похожей на Антонину Достигаеву. Он стал наводить меня на самостоятельные поиски решения образа. Делал это Л. М. Леонидов с величайшим тактом и умением. Каждая моя встреча с

Л. М. Леонидовым для разговора об Антонине доставляла мне огромное внутреннее удовлетворение. Эти встречи обогатили мое знание жизни, остротой развили мои мысли.

Леонид Миронович — режиссер исключительно темпераментный, способный зажечь весь ансамбль исполнителей и поддерживать в нем это состояние внутреннего горения в течение долгих месяцев. При всех неизбежных ошибках нашей работы, Леонид Миронович относится с величайшим доверием к актеру — даже тогда, когда тот играет не совсем в духе режиссерских указаний. Как-то на одной из последних репетиций «Достигаева» я, возмущенная, обратилась к Л. М. Леонидову:

— Леонид Миронович! Мне кажется, я теперь понял все, что вы от меня хотите; кажется теперь и это сумею сделать.

Он остановил на мне свой внимательный взор и ответил:

— А вы не делайте того, что мне хочется, а играйте так, как вам подсказывает ваше внутреннее чувство.

На первой генеральной репетиции, когда спектакль смотрел В. И. Нежнович-Давченко, он сказал Леонидову, что я декламирую. Леонид Миронович принял вину моей неудачи на себя, заявив, что это он виноват в неверной трактовке иную отдельных мест моей роли.

Леонид Миронович понимает, как тяжело и трудно актерское сотрудничество. После генеральных репетиций он не раз передавал мне чьи-то похвальные отзывы о моей игре. Но меня это не удовлетворяло. «А вы?» — спросила я.

Леонид Миронович остановил на мне печальный взгляд и ничего не ответил. После он стал меня упоклаивать. Окончательное решение образа не всегда удается актеру на премьере: это может случиться и на 3, 5, 7-м спектакле. «Важно, чтобы вы сумели раскрыть какой-то внутренний клапан в своем сознании и заставить так свободно и непринужденно, как если бы вы жили на сцене». И я жду сейчас, что этот клапан раскроется и я сумею выразить в своей игре все то, чему меня так много, осторожно и тактично учил Леонид Миронович.

Н. ЛЕБЕДЕВА

На репетициях

Шура Булычева мне не сверстница. Она старше меня на целое десятилетие. Мне трудно было сразу передать своеобразный, неувядающий облик этого дика, девушки из семьи русского купца, «романившегося не на той улице». Сравнительно скоро я освоилась с полновысотой угловатостью Шуры, ее безудержным темпераментом, нерпностью ее характера в обращении с другими людьми. Но ведь это только внешний рисунок, а Л. М. Леонидов требовал от нас освоения самого существа образа.

Л. М. Леонидов удерживал меня также от утрировки гримасной характеристики образа.

— Слипшим много вырочкой угловатости в вашем поведении, — говорил он.

Мне, конечно, было нелегко сразу воспринимать каждый совет, каждое указание постановщика. Иногда вмешательство Леонидова Мироновича в мою работу напоминало действия умного хирурга, который выпрашивает «вывихнутый» темперамент. После того, как Л. М. Леонидов освобождал меня от чрезмерной истеричности в жестках и движениях Шуры, я чувствовала себя значительно крепче, уверенней, смелее.

Не мне судить о том, как я сыграла роль Шуры Булычевой. Мне лично кажется, что я ее сыграла не совсем так, как следует. Но основное удовлетворение дает мне мысль о том, что я имела возможность учиться у одного из крупнейших мастеров первого поколения Художественного театра. Не только одной репликой, — часто одним словом Л. М. Леонидов умеет будить в актере фантазию, работу мысли. Он учит нас самому главному — уметь самостоятельно мыслить и искать, не улетаясь легким достижением или дешевым внешним успехом.

А. КОМОЛОВА